

ПОНЯТИЕ ПРАВИЛА ДЕЛОВОГО СУЖДЕНИЯ МАЖОРИТАРНОГО УЧАСТНИКА КОРПОРАЦИИ

Леденев Виктор Владимирович

Аспирант, Московский Государственный
Юридический Университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

vikt.ledenew@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE BUSINESS JUDGMENT RULE OF THE MAJORITY SHAREHOLDER OF THE CORPORATION

V. Ledenev

Summary. The article reveals for the first time the concept and, accordingly, the content of the rule of business judgment of the majority participant in a corporation. To do this, the author reveals the concept of business judgment, considers the approaches proposed by scientists to the concept of the rule of business judgment, and also explores the positions for determining the standards of behavior that are checked in accordance with the rule. The author substantiates that the concept of the rule of business judgment of the majority participant should take into account several aspects. First, the acts of business judgment of the majority participant should include transactions not only of the majority participant itself, but also of management bodies acting in the interests of the majority participant. Secondly, the rule is aimed at limiting judicial review of the content of acts of business judgment to cases of violation of evaluative standards of conduct. Thirdly, the evaluative standards of conduct for acts of business judgment by a majority participant cannot be reduced to any specific legal form (for example, reasonableness or good faith).

Keywords: corporate law, business judgment rule, minority shareholder, majority shareholder.

Аннотация. В статье впервые раскрывается понятие и, соответственно, содержание правила делового суждения мажоритарного участника корпорации. Для этого автор раскрывает понятие делового суждения, рассматривает предложенные учеными подходы к понятию правила делового суждения, а также исследует позиции по определению проверяемых в соответствии с правилом стандартами поведения. Автор обосновывает, что понятие правила делового суждения мажоритарного участника должно учитывать несколько аспектов. Во-первых, к актам делового суждения мажоритарного участника следует относить сделки не только самого мажоритарного участника, но и органов управления, действующих в интересах мажоритарного участника. Во-вторых, правило направлено на ограничение судебного пересмотра содержания актов делового суждения случаями нарушения оценочных стандартов поведения. В-третьих, оценочные стандарты поведения для актов делового суждения мажоритарного участника не могут быть сведены к какой-либо конкретной правовой форме (например, разумности или добросовестности).

Ключевые слова: корпоративное право, правило делового суждения, миноритарный участник, мажоритарный участник.

Настоящая статья будет посвящена определению того, что такое правило делового суждения (далее — правило) мажоритарного участника. В практике Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) такое правило именуется правилом о защите делового решения, что нашло отражение, например, в п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [3]. В доктрине можно встретить формулировки как «правила делового суждения» [8], так и «правила делового решения» [5]. Мы будем использовать термин «правило делового суждения», поскольку он представляется нам более удачным переводом иностранного термина «business judgment rule», которое явно принималось во внимание при введении института в российское право, а так-

же поскольку акцент на суждении лучше подчеркивает усмотрение как сущность деловых решений.

В России упоминание правила связано в первую очередь с ограничением ответственности органов управления, предусмотренной ст. 53.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации. С учетом некоторого сходства между этими конструкциями мы будем заимствовать и адаптировать для анализа литературу, посвященную правилу, применяемому к действиям органов управления. Исключение составляет работа А.Ю. Глазунова, который посвящает применимости правила к ответственности мажоритарного участника часть диссертации [4, с. 127–139]. Тем не менее детально понятие правила в известных нам отечественных работах не исследуется ни применительно к органам управления, ни применительно к действиям мажоритарного участника конкрет-

но. Нет и консенсуса о понятии правила в иностранной доктрине. Как отмечает, профессор Гевуртц (Gevurtz), в отношении содержания правила существует «недостаток консенсуса о том, чем правило является» [10, р. 287–288]. Такая неопределенность подтверждает, на наш взгляд, актуальность настоящей работы.

Понятие делового суждения

Понятие правила тесно связано с понятием делового суждения. Соответственно, сначала мы определимся с тем, что мы понимаем под деловым суждением. В научной литературе определение делового суждения нам удалось найти только в работе Г.В. Цепова, по мнению которого, «*понятие делового суждения охватывает сделки организации, а также иные действия, содержащие рациональный выбор*» [8]. Ученый дает это определение лишь мимоходом и при исследовании правила делового суждения в отношении директоров, а не мажоритарных участников. В этой связи требуются некоторые уточнения.

Во-первых, суждение — это мнение о чем-то, а деловое суждение, соответственно, — это мнение о чем-то с точки зрения деловой целесообразности. Следовательно, нам кажется необходимым разделять само деловое суждение и решения, принятые на основе делового суждения о таких решениях. Для удобства сами такие решения мы будем называть актами делового суждения.

Во-вторых, необходимо проверить, сводится ли деловое суждение мажоритарного участника к сделкам или же включает в себя и иные юридические факты. Основной правовой формой актов делового суждения мажоритарного участника является голосование на общем собрании участников, а не заключение сделок от имени корпорации, поскольку участники корпорации формируют ее волеобразующий, а не волеизъявляющий орган. Решения общих собраний участников относятся к сделкам в соответствии с позицией ВС РФ, выраженной в п. 15 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)», утвержденного Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года [1].

Говоря о субъектах делового суждения, мы бы хотели еще раз обратить внимание на то, что общее собрание участников, через которое действует мажоритарный участник, является волеобразующим, а не волеизъявляющим органом. Соответственно, многие действия, совершаемые мажоритарным участником, производят реальный эффект только при условии их воплощения другими субъектами, в первую очередь, генеральным директором корпорации. Например, одобрение общим собранием сделки или даже выдача указания директо-

ру совершить ее само по себе не приводит к заключению и исполнению сделки. Кроме того, волеобразующие функции может осуществлять не только общее собрание участников, но и иные коллегиальные органы корпорации, например, совет директоров.

Такие органы объединяет то, что на практике большинство их членов действуют в интересах мажоритарного участника, который обладает голосами для назначения или избрания таких лиц. Коль скоро они действуют таким образом и необходимы для полной реализации контроля мажоритарного участника над корпорацией, нам представляется оправданным их акты делового суждения относить к актам делового суждения мажоритарного участника в той части, в которой они совершаются в интересах мажоритарного участника. Очевидно, такое понимание было бы некорректно в отношении сделок, совершаемых не в интересах мажоритария. Соответственно, например, сделки, совершаемые генеральным директором с целью вывода активов на аффилированное с ним юридическое лицо, к актам делового суждения мажоритарного участника отнесены быть не могут.

Указанные субъекты также осуществляют свою деятельность в правовой форме сделок: генеральный директор заключает сделки от имени корпорации, а коллегиальные органы (исполнительные и управления) принимают решения гражданско-правового сообщества. Мы не видим причин не применять подход, предложенный ВС РФ к решениям собраний участников, и к решениям иным гражданско-правовых сообществ с учетом единства их правовой природы.

Таким образом, деловое суждение мажоритарного участника действительно связано со сделками, которые совершают как сам мажоритарный участник, так и действующие фактически в его интересах органы управления. Мы допускаем, что деловое суждение мажоритарного участника может быть связано и с юридическими фактами помимо сделок, но нам не удалось придумать явных релевантных убедительных примеров этого.

В-четвертых, ссылка на рациональный выбор не кажется нам удачной. Принятие решений мажоритарным участником может быть осуществлено и в условиях ограниченной рациональности, например, если он не обладает всей информацией об одобряемой им сделке, однако это само по себе никак не повлияет на саму сделку. Нам, впрочем, понятно стремление Г.В. Цепова обнаружить некую сущностную характеристику делового суждения. Представляется более удачным было бы видеть ее в том, что деловое суждение выносится на основе усмотрения (которое может быть и нерациональным) субъекта суждения. Под усмотре-

нием может пониматься как дискреция, так и результат реализации дискреции [7, с. 34–37]. Мы в рамках настоящей работы считаем обоснованным исходить из первого понимания, поскольку оно хоть и влечет риск смешения с понятием субъективного права, но в то же время лучше подчеркивает именно дискреционную природу деятельности мажоритарного участника. Поскольку же понятие делового суждения нам необходимо для целей выведения определения правила, предлагаемый подход лучше отражает то, что цель проверки делового суждения состоит в контроле над потенциально безграничным усмотрением (дискрецией) субъекта суждения.

Таким образом, мы предлагаем понимать под деловым суждением основанное на усмотрении мнение об экономической целесообразности сделки (акта делового суждения), со стороны лица, совершающего такую сделку.

Подходы к понятию правила

Теперь перейдем к рассмотрению понятия правила. Мы уже отмечали отсутствие консенсуса по этому вопросу. Отметим и то, что имеющиеся в литературе различия в понимании правила являются, уже на наш взгляд, достаточно туманными. Как бы то ни было, из литературы, в которой содержится понятие правила, можно вычленив четыре основных подхода к пониманию правила.

Первый подход заключается в том, что содержание правила состоит в том, чтобы возложить на истца бремя доказательств того, что субъект, привлекаемый к ответственности, нарушил свои обязательства (по заботе и лояльности или, в переложении на российское право, разумности и добросовестности) [11, р. 85–86; 4, с. 135]. Второе понятие смешивает правило с обязательством заботы [11, р. 86–87]. Третье понимание сводит правило к ограничению возможности содержательной оценки судом акта делового суждения [12, р. 631]. Четвертый подход состоит в том, что правило ограничивает возможность суда проверять содержательно решение органа управления, пока не доказано нарушение упомянутых выше оценочных стандартов-обязательств [4, с. 135; 5; 10, р. 290].

Первый подход кажется нам некорректным. Дело в том, что А.Ю. Глазунов указывает, что схожие с распределением бремени доказывания функции в разных юрисдикциях выполняют разные механизмы, которые не сводятся к распределению бремени доказывания: например, в США — процессуальные инструменты, направленные на раскрытие доказательств [4, с. 136–137]. Таким образом, распределение доказательственного бремени выступает лишь одним из возможных, но не-

обязательным аспектом правила. С учетом такой необязательности нам представляется необоснованным включать распределение бремени доказывания в понятие правила.

Второй подход, отождествление стандарта заботы с правилом, также представляется нам некорректным. Дело в том, что наиболее распространенное представление о правиле (четвертый подход), состоит именно в том, что оно регулирует то, как суды должны проводить проверку соблюдения стандартов поведения, которые, кроме того, не сводятся только к стандарту заботы (аналогу обязательства действовать разумно [4, с. 115]). Соответственно, второй подход смешивает один из возможных стандартов поведения (обязанность заботы) и правило проверки соблюдения стандартов поведения участниками оборота (правило), в связи с чем не может быть признан удачным.

Третий подход к понятию правила заслуживает внимания, поскольку он справедливо отражает цель существования правила — ограничение возможности судебной оценки существа актов делового суждения. Указанный подход во много напоминает четвертое понимание правила, однако является менее нюансированным, поскольку не отражает то, что ограничение судебной оценки достигается повсеместно путем того, что судам не дозволяется пересматривать существо акта делового суждения, пока не нарушены некоторые оценочные критерии. В этом смысле четвертый подход кажется нам наиболее правильным. Он в целом действительно наибольшим образом соответствует пониманию правила в российском и иностранном праве (например, в праве США [11, р. 83]) как ограничения на судебный пересмотр существа решения при условии соблюдения оценочных обязанностей.

Оценочные стандарты для актов делового суждения

Последним открытым вопросом остается вопрос о том, о нарушении каких оценочных обязанностей должна идти речь применительно к отечественному праву. Так, А.Ю. Глазунов, пишущий о применении правила к ответственности мажоритарных участников в русле *de lege ferenda*, определяет правило на основе связи с фидуциарными обязанностями между участниками [4, с. 135]. Е.М. Ключарева указывает, что правило «предполагает, что директор освобождается от ответственности, если будет установлено, что он действовал добросовестно, на основании надлежащей информации и с уверенностью, что его действия пойдут во благо компании» [5]. В этой позиции можно усмотреть стремление видеть оценочные обязанности в добросовестности и по сути разум-

ности, которая может выражаться в достаточной продуманности решения, принятии его на основании всей необходимой информации.

Первый подход вызывает сомнения из-за того, что на настоящий момент в российской доктрине нет единства о том, предусматривает ли и должно ли предусматривать отечественное право категорию фидуциарных обязанностей участников. Например, Д.В. Ломакин полагает, что российское законодательство не нуждается в такой категории, поскольку она не является широко известной в России, но при этом ее функции могут выполнять стандарты разумности и добросовестности [6]. Мы не хотели бы вдаваться в дискуссию о форме выражения стандартов поведения мажоритарного участника *de lege ferenda*, однако отметим, что на настоящий момент российское право не предусматривает явным образом категорию фидуциарных обязанностей участников, в связи с чем мы не можем понимать правило через них.

Второй подход кажется нам более интересным, тем более, что категории разумности и добросовестности уже применяются при привлечении к ответственности по ст. 53.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации контролирующих лиц, которыми могут быть в том числе мажоритарные участники. Более того, отражение указанного подхода можно найти и наиболее новых позициях ВС РФ. Так, в п. 13 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденного Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 года, ВС РФ допустил оспаривание решения общего собрания участников, если участник, повлиявший на принятие решения действовал недобросовестно или неразумно [2]. Проблема, однако, заключается в том, что в этом же Обзоре содержатся похожие на разъясняющие правило позиции, которые не отсылают к неразумности и недобросовест-

ности. Например, п. 12 провозглашает допустимость оспаривания решения об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов, если такое решение не обусловлено интересами общества и уменьшит долю несогласных участников. В этой позиции ВС РФ указывает, что решение может быть оспорено, если соблюдено одновременно два условия: «размыта» доля миноритарного участника и нарушен оценочный стандарт поведения, обусловленность решения «интересами общества». Можно обратиться и к абз. 4 п. 1 ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предоставляет участнику непубличной корпорации потребовать исключения другого участника, если последний причинил существенный вред корпорации или иным образом затрудняет ее деятельность. Условия для удовлетворения соответствующего иска так же ограничивают усмотрение мажоритарного участника, однако выражаются не в обязанностях вести себя разумно и добросовестно.

Таким образом, российское право не содержит единого подхода о том, в какой форме выражаются оценочные стандарты поведения участников корпорации — их объединяет только то, что они предусматриваются законодательством или разрабатываются актами ВС РФ.

ВЫВОДЫ

С учетом этого анализа мы можем заключить, что правило делового суждения мажоритарного участника следует понимать как ограничение возможности судебного пересмотра существа актов делового суждения, принятых мажоритарным участником или органами управления корпорации в интересах мажоритарного участника на основании их усмотрения, пока не установлено нарушение оценочных стандартов поведения, предусмотренных законодательством или актами ВС РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)», утвержденный Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденный Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5, май.
3. Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3, март.
4. Глазунов А.Ю. Защита имущественных прав и интересов участников хозяйственных обществ на примере отдельных институтов гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 253 с.
5. Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. — 2015. — № 11. СПС «КонсультантПлюс».
6. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. — 2019. — № 4. СПС «КонсультантПлюс».
7. Никитин А.А. Усмотрение в праве и его признаки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6. — С. 34–40.

8. Цепов Г.В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. СПС «КонсультантПлюс».
9. Чупрунов И.С. Начало «новой жизни» в российском корпоративном праве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 N306-ЭС19–24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 25–69.
10. Gevurtz F.A. The Business Judgment Rule: Meaningless Verbiage or Misguided Notion? // South California Law Review. — 1994. — № 67. — P. 287–337.
11. Gordon S.D. The Modern Business Judgment Rule // Research Handbook on Mergers and Acquisitions. — 2016. — P. 83–98.
12. Johnson L. The Modest Business Judgment Rule // The Business Lawyer. — 2000. — Vol. 55; № 2. — P. 625–652.

© Леденев Виктор Владимирович (vikt.ledenew@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина